

Н.К. Данилова

Самарский государственный университет

ГРАНИЦЫ СУБЪЕКТНЫХ ПЕРСПЕКТИВ В НАРРАТИВЕ

N. Danilova

Staatliche Universität Samara

GRENZEN DER SUBJEKTPERSPEKTIVEN IM NARRATIV

Im vorliegenden Beitrag wird das Wechselspiel der Subjektperspektiven im narrativen Diskurs analysiert. Perspektiven des narrativen Subjekts werden als diskursive Verfahren betrachtet, die über die Textgrenzen in den Spielraum der sozialen Kommunikation reichen.

Главная особенность нарратива как «рассказанной истории» заключается в том, что процесс рассказывания определен автором-Творцом. Это бесконечное переделывание мира, в котором совершается его присвоение, преобразование реальных событий и превращение их в события переживаемые, обладающие той степенью достоверности, которую допускает сознание автора. Для исследователя данного процесса важным становится ответ на вопрос «кто говорит?», вопрос о субъектных перспективах повествования.

Субъективность повествования означает медиацию, особое отношение между субъектом и миром, в котором рождается событие, названное М.М. Бахтиным «событием бытия», в котором данное преобразуется в творческом акте. В «событии бытия» находят воплощение отношения трех основных порядков: а) отношения между объектами; б) отношения между субъектом и объектом; в) отношения между субъектами, или диалогические отношения

[1, с. 343]. Если первые два отношения определяют рождение текста повествования, последнее можно рассматривать как определяющее протекание нарративного дискурса, под которым мы понимаем коммуникативную деятельность индивидуумов в практике совершенно особого рода, практике творения художественного бытия.

В дальнейшем рассуждении мы обратимся к отношению между субъектами, чаще других остающемуся вне поля зрения исследователей. В литературной (нарративной) коммуникации коммуникативное отношение носит характер познавательного, что позволяет Г.Г. Гадамеру определять ее как «коммуникацию внутри понимания» [2].

Значимость этого как будто бы внешнего по отношению к тексту взаимодействия выражена в словах М.М. Бахтина о том, что конкретное высказывание «родится, живет и умирает в процессе социального взаимодействия участников высказывания, значение и форма которого определяется характером этого взаимодействия» [3, с. 83]. Всякое действительно произнесенное слово выступает как выражение и продукт социального взаимодействия говорящего (автора), слушателя (читателя) и героя. Коммуникативное понимание трактует литературное общение не как «безответную монологическую интенцию» автора, а как взаимодействие со-субъектов общения. Именно этим определена особенность литературной коммуникации, охарактеризованная М.М. Бахтиным как рождение смыслов в момент встречи (диалога) сознаний обоих участников.

Признание исключительной значимости субъективных смыслов для повествования означает в конечном итоге представление акта рассказывания как акта познания. Событие рассказывания означает рождение нового, познаваемого автором мира, еще не ставшего, но «пребывающего», становящегося в процессе рассказывания. Присутствие читателя есть не отстраненное и равнодушное свидетельство, а действительное «со-бытие», где, как в процессе порождения мира повествования, читателю отведена активная роль познающего.

Внимание к исследованию повествовательного процесса становится определяющим в рамках дискурсивного подхода, отличие которого от стилистического, видящего в конкретных рассказах преимущественно отклонения от определенной повествовательной модели, заключается в интересе к Тексту как к процессу формирования смысла [4, с. 307]. Это означает проникновение в подвижную его структуризацию, попытку выявить формы и коды, сигнализирующие смыслы и указывающие пути их формирования.

Развитие повествовательной техники включает в событие повествования фактор системности, вступающий в конфликт с интенциональностью дистанцированной речи. Дискурс из объекта, циркулировавшего в сфере общения и беседы, постепенно превращается в совокупность вертикальных линий, становясь «нулевой степенью» Письма и позволяя «своему создателю повернуться спиной к объективному миру» [4, с. 360]. Письменная фиксация речевого продукта создает дистанцию, существование которой заставляет видеть в событиях литературной жизни *рефлексивную игру*, составляющую содержание литературы. Однако участники этой игры утрачивают активный характер, становясь элементами структуры. Множество различных видов письма превращает литературную форму в способ поведения, в котором «судьба мысли переплетена с судьбой формы».

Итак, в основу анализа нами положены следующие тезисы: а) одним из основных отношений, определяющих смысл нарратива, является коммуникативное отношение между субъектами литературной (художественной) коммуникации, располагающимися в пространстве уже не текста, а дискурса; б) это отношение по своей сути является рефлексивным и предполагает обращение к способам поведения, имеющим в основе познавательную активность действующего субъекта, в) смысл не существует до текста и рождается в процессе его развертывания и восприятия.

Участие в дискурсивном процессе понимания предполагает наличие в тексте языковых форм, с помощью которых создаются условия для рефлексивного диалога. В качестве такого рода

рефлексивных опор нами рассматриваются субъектные перспективы повествования, имеющие несколько уровней организации, среди которых заслуживают рассмотрения коммуникативный, когнитивный и, в конечном итоге, повествовательный, объединяющий оба уже названных. В качестве коммуникативного уровня нами рассматривается перспектива субъекта речи, адресата и наблюдателя, в качестве когнитивного – субъекта рефлексии и субъекта восприятия (перцептора).

Проследим, как это происходит, на примере конкретных актов повествования. Рассказ Р. Вальзера «Blumenstrauss» включает в пространственное описание прежде всего пространственный уровень изображаемого мира: **Oben auf der Bergweide**, wo Hölderlinsche Freiheit herrscht, habe ich einen Strauss von Blumen gesammelt, den ich in die Tasche gesteckt mit nach Hause trug (S.15). Обозначение пространственного уровня в дискурсе повествования включено в изложение и заключает в концептуальной модели действительности указание на коммуникативную перспективу говорящего (Я – субъект речи), доказательством чему служит комплексное обозначение *oben auf der Bergweide*, содержащее конкретное пространственное (топонимическое) обозначение *auf der Bergweide* и дейктическое наречие *oben*, получающее смысл только в отношении к точке отсчета (связанной с субъектом речи и восприятия). Оба пространственных указания находятся между собой в отношениях спецификации, предложно-падежная форма уточняет значение пространственного наречия, сужая его объем. Семантическая проекция позиционного наречия указывает не только на специфицированное конкретное место в пространстве, но и выделяет агенса, являющегося одновременно субъектом речи. Аккумуляция значений достигается в позиции субъекта высказывания, вводящей точку отсчета событий и повествования о них.

Содержанием повествовательного высказывания является авторская рефлексия, включающая комментарий событий: *An Blumensträussen hätte ich mehr zu tragen und schleppen gehabt, und*

es ist mir nicht von fern eingefallen, die Blumen zu zählen. Kommt es doch bei Blumen nicht so sehr auf pünktliches zählen wie, z.B. bei Geld... Смена событий, принадлежащих собственно плану повествования («истории»), связанная с изменением когнитивной стратегии изложения, требует от автора использования формы настоящего времени и введения модификаторов оценки: Sie spielen keine grosse Rolle, man vermag sehr gut ohne sie im Leben auszukommen. So schön sie sind, so ungestraft kann man sie vergessen oder mindestens hinaustellen. Другой операцией, указывающей на изменение когнитивной стратегии, является выбор в качестве грамматического субъекта неопределенно-личного местоимения man, разрушающего консенсус, достижению которого служит вопрос.

Безличность грамматического субъекта в вопросе и неопределенно-личный характер местоимений, за которыми стоит бесконечный смысловой потенциал этих форм, способный получать реализацию в определенных контекстах, создает в контексте повествовательного высказывания дистанцию между безличностью повествователя и субъектом рефлексии, приходящему на смену субъекту восприятия: Viertel- oder halbjahrlang denkt man überhaupt nicht an an die Guten und Lieben. Wenn man das oder ähnliches doch auch von Essen und Trinken und lästigem Geschäftemachen sagen könnte. Statt dessen sollen wohl die Rücken ewig gepeitscht und die furchtsamen Gemüter ohne Aufhören gejagt und gequält werden? (S.16). Различие когнитивных моделей восприятия и рефлексии получает эксплицитное выражение в языковом оформлении пространственного модуса.

Ситуация восприятия фиксирует взаимное расположение всех трех обязательных для реализации этой модели параметров: пространственного уровня, субъекта восприятия и воспринимаемого объекта Blumen, с которым совершаются следующие трансформации: из конкретного и наблюдаемого «букета цветов» он превращается в абстрактный предмет размышления, утрачивая связь с ситуацией изложения и становясь предметом мысли о

нравственном и эстетическом воздействии природной красоты на умы.

В следующей секвенции рассказа субъект дискурсии вновь перемещается из положения вне нарративной структуры в положение внутри нее: Ich habe dann die Blumen, die wunderbar zusammenpassen, in die Charmermilchbüchse gestellt, und sitze nun wieder im Karzer oder Verlieses, in der Zelle oder engen Einsiedelei, d.h. in der Stube oder in der Kiste und werfe hin und wieder liebende Blicke auf den Götterstrauss, der mich aufs lebhafteste an Wald und steile Wege, an den Ton von Ziegenglöckchen, an kühle Höhenlüfte, grüne Lustplätze und an alle mögliche Fröhlichkeit erinnert (S.16). «Игра» пространственными обозначениями, в которой находит отражение процесс вербального моделирования im Karzer oder Verlieses, in der Zelle oder engen Einsiedelei, d.h. in der Stube oder in der Kiste, выступает как свидетельство внутренней дистанции, используемой автором для виртуозного обращения с рождающейся моделью действительности.

Оставаясь предметом описания, букет цветов превращается в объект оценки, требующей использования в актуальном повествовательном плане средства выражения эмотивного модуса, эксплицирующие связь с субъектом оценки: Was für hübsche, zarte, vielerlei friedliche Farben, und doch sind es kaum mehr wie fünf oder sechserlei Verschiedenheiten, die nur aber eben rund herumlaufen und ungezwungen wiederkehren und auf solche Art eine wimmelnde Buntheit vorstellen.

Изменение стратегии изложения связано с возрастанием роли дискурсивного начала, с приближением событий «истории» к акту повествования и сменой режима повествования речевым режимом: Aus reizender Unordnung ergibt sich eine Ordnung, die weder steif, noch hart, noch allzu elegant und glatt ist. Glätte und Fläche sind zur Rundlichkeit gebogen, dass es etwas Erdhaftes hat, und nicht flach scheint. Mannigfaltige kleine Figuren leben in heiterer Angehörigkeit und bilden ein reiches, freies, gesundes Ganzes (S.17). Нарастающая степень субъективности, превращение изображения в субъективный образ, где преобладает аспект изображения, подчеркнутый активи-

зацией эпистемического модуса и актуализацией средней степени достоверности создаваемого образа с помощью глагола *scheinen*.

Следующая секвенция свидетельствует о выдвижении символического плана, означающего переход в иную систему интерпретации, связанную с художественными категориями. Признаком выбора других оснований для интерпретации становится персонификация, метафорическое преобразование описываемых явлений и их транспозиция в функциональную область, показательную для одушевленных существ: *Sie (Blumen) vertragen sich gut, da sie einander beleben und ergänzen. Unterordnung aus freien Stücken ist gut und natürlich. Keins ist dem anderen im Weg, denn jedes hat seine artige Bestimmung. Sein bescheidenes Plätzchen, wo es still ein- und ausatmet. Vernünftigerweise halten sie sich alle für keine Herrschaften, die grosse, breite langfädige Ansprüche mach, en sondern für Diener, die sich fürs allgemeine Beste untertänig fühlen. Und so sieht denn das Ganze wie ein freundlicher Gedanke aus.*

Завершающая секвенция характеризуется совершенно другим объектом суждения и нейтрализованной субъектной перспективой, т.е. включением перспективы наблюдателя, благодаря чему в высказывании на передний план выступают причинно-следственные связи, свойственные суждению: *Ein guter Gedanke ist immer groß, wie ein großer nie anders als gut sein kann, und im Grunde gibt es weder einen bösen, noch kleinen Gedanken, weil alles Böse, zankend Kleine, hadern Nörglerische auf Gendankenabwesenheit beruht (S.18).*

Если выделенные ранее ориентирующий позиционный и темпоральный виды дейксиса служили целям реализации референционного потенциала высказывания, то использованные в последней секвенции метакоммуникативные клише служат целям внутриструктурного упорядочивания секвенций: *Um auf das Blumenbukett zurückzukommen, wie sieht es in seiner Gesamtheit und in all seinen Einzelheiten aus. Hier hängt etwas herab, dort will etwas keck hervorragen, bald tritt dieses, bald jenes in Erscheinung, doch keines allzustark <...> Daß doch auch Menschen sich zu so friedfertiger wohlwollender Gesellschaft und zu so klugem, liebevollem Vertrag verbunden wissen*

möchten (S.18). Направление уподобления в завершающем изложении высказывания радикально противоположно метафорическому отношению в предшествующей секвенции, базой для сравнения становятся цветы, чья поразительная способность гармонично сочетаться и становиться частью совершенного целого служит основанием для уподобления им человеческого сообщества.

Пространственные координаты «ситуации» в процессе развертывания дискурса смещаются вместе со трансформацией субъекта высказывания: топонестическое и ориентированное на субъект восприятия перцептуальное пространство «истории» сменяется абстрактным пространством суждения, в которой пространственная координата характеризует только центр ориентации, а деятельность интерпретации перемещается в оценочную сферу субъекта рефлексии и затем становится частью символического «образа мира», связывающего коннотативно окрашенное изображение с системой ценностей сообщества.

Путь от физического пространства через психологическое, характеризующее внутренний мир субъекта речи, переживающего эволюцию от субъекта восприятия до субъекта рефлексии, к вневременному ценностному пониманию демонстрирует привычный путь познания. Совмещение в изложении двух основных повествовательных инстанций, рассказчика и рефлексора, различающихся своим положением вне и внутри «истории», усложняет процесс интерпретации за счет включения в него в дополнение к перспективам восприятия и рефлексии приемов повествовательной техники.

Игра коммуникативных и когнитивных субъектных перспектив демонстрирует, как можно видеть, их положение не столько в пространстве текста, но главным образом в пространстве дискурса, что свидетельствует об их принадлежности к диалогу сознаний участников литературной (художественной) коммуникации и к правилам вербального поведения в нарративном дискурсе.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Из записей 1970–1971 // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С.336–360.
2. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
3. Волошинов В.Н. Слово в жизни и слово в поэзии // Бахтин М.М. (Под маской) Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. М.: Изд-во «Лабиринт», 2000.
4. Барт Р. Текстовый анализ // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика. М.: Прогресс, 1980. С.307–312.
5. Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 1998. Т. 2. С.333–426.
6. Walser R. Der Blumenstrauss. In: Heiteres Darüberstehen. Philipp Reclam jun. : Stuttgart, 1990. S.15–18.